

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 146 – 151

УДК 808. 2-1

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФОНЕТИЧЕСКИ СОЗВУЧНЫХ ЛЕКСЕМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Е. Ю. Муратова

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
г. Витебск*

В статье исследуется влияние звучания соположенных однокоренных и неоднокоренных лексем на их значение. Анализируются механизмы появления новых смыслов слова.

Ключевые слова: значение слова, смысл слова, внутренняя форма, актуализация, ассоциация.

Первые попытки постановки вопроса о связи звука и значения были осуществлены в древнеиндийских Ведах. В них отражена убежденность древних индусов в существовании изначальной связи между вещью и ее наименованием. Вопрос о содержательности плана выражения языкового знака и в настоящее время остается дискуссионным, хотя обсуждается он со времен античности (Аристотель, Платон, Дионисий, Августин). Например, М. В. Ломоносов считал, что звуки речи обладают определенной содержательностью: «В российском языке, как кажется, частое повторение письмени *А* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *Е, И, ... Ю* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей. Через *Я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность, через *О, У, Ы* страшные и сильные страсти, гнев, зависть, боязнь и печаль...» [1, с. 363 – 364]. Мысль о содержательности формы высказывал в XIX веке А. А. Потебня: «Разница между внешнею формою слова (звуком) и поэтическим произведением та, что в последнем, как проявлении более сложной душевной деятельности, внешняя форма более проникнута мыслью. Впрочем, и членораздельный звук, форма слова, проникнут мыслью...» [2, с. 26].

Собственно научный взгляд на принцип связи между означаемым и означающим языкового знака получает развитие только в XX веке. Фундаментальное утверждение Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака [3, с. 100 – 101] оспаривалось Э. Бенвенистом, который считал, что отношение языкового знака и называемой им вещи произвольно по отношению к внешним реалиям, но во внутреннем устройстве языка связь между планом выражения и содержания языкового знака не произвольна, а органична и необходима, она представляет собой тесный симбиоз, где понятие является как бы «душой» акустического образа [4, с. 94]. Точку зрения Э. Бенвениста разделял Р. Якобсон, говоря о «произвольности» прин-

ципа произвольности языкового знака. В. В. Виноградов писал о том, что «звуковая форма слова оказывается источником разнообразных смысловых оттенков» [5, с. 16]. М. М. Бахтин, рассуждая о материальной эстетике и считая, что она не способна обосновать художественную форму, писал следующее: «Форма, понятая как форма материала только в его естественнонаучной — математической или лингвистической — определенности, становится каким-то чисто внешним, лишенным ценностного момента, упорядочением его. Остается совершенно не понятой *эмоционально-волевая напряженность формы*, присущий ей характер выражения какого-то ценностного отношения автора и созерцателя к чему-то помимо материала... художественно значимая форма действительно к чему-то относится, на что-то ценностно направлена *помимо материала*, к которому она прикреплена и с которым все же неразрывно связана. Необходимо, по-видимому, допустить момент *содержания*, который позволил бы осмыслить форму более существенным образом, чем грубо гедонистически» [6, с. 260, 262].

Взгляд на то, что звук приобретает «лингвистическую ценность» только в составе более сложных значимых единиц языка, высказывал Бодуэн де Куртене, который считал, что звуки («все произносительно-слуховые элементы») сами по себе значения не имеют. «Они становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями» [7, с. 160]. Данную точку зрения разделял А. А. Реформатский: «Да, сегменты линейного ряда становятся «языковыми ценностями», т. е. приобретают, по Ф. де Соссюру, лингвистическую *valeur* только как элементы морфемы» [8, с. 133].

В настоящее время в современной науке исследование связи звучания и значения ведется в двух направлениях: 1) на материале разных языков изучаются типы ассоциаций между звучанием и значением лексических единиц (Н. И. Ашмарин, Д. Вестерман, Б. В. Журковский, А. М. Газов-Гинзбург, Н. К. Дмитриев, Л. Н. Харитонов и др.); 2) выявляются психологические корреляции между звучанием и значением (И. В. Арнольд, В. Воробьев, А. П. Журавлев, В. В. Левицкий, И. Черепанова, М. И. Черемисина, А. С. Штерн и др.).

В поэтическом языке соположение сходных по звучанию слов актуализирует определенные морфемы (чаще корень) либо комплексы звуков, не совпадающие с границами морфем в слове, в результате чего фонетические подобия распространяются на семантику лексем: появляется дополнительная сема в словарном значении слова. Возникающие смыслы группируются вокруг смыслового инварианта, задаваемого общим корнем. В зависимости от того, являются ли соположенные лексемы действительно однокоренными или представляют слова со сходными планами выражения, появление новых смыслов базируется на двух разных языковых механизмах: этимологической регенерации и поэтической этимологии.

Это явление весьма характерно для поэзии XX века: 1. *Как выстрел выстроил бы их. 2. Нет-нет, как кость, взблеснет костел* (Б. Пастернак). 1. *Мой привет поколенью / По колено в земле, / А седирами — в звездах!* 2. *Что чувствуе-*

те, Германы: / Германии сыны?! 3. (М. Цветаева). 1. Смеркается — к смерти. 2. Суммой сумрачной заросли явлена страсть. 3. Сомкнулись волны, валуны, / канун разлуки подневольной. 4. Чтоб возлежать, у лежбежки нет ни знания: как спать, ни прилежанья. 5. ... и твари утвари игривой / его вторжение развлекало. 6. ... из лишайных диковин и диких расщелин. 7. О, как нежно марина, моряна, моря / неизбежно манят и минуют меня. 8. Мы дожили, рояль, мы — дожди, наш дворец расписан той рукой, что не приемлет розы. 9. Электрик запил, для элегий... 10. И что-то в нем... есть от пророка, есть от скомороха, / и мир ему — горяч, как сковородка. 11. ...рыбешка / так ходит возле ног ребенка. 12. ... все маленькие самолеты / как маленькие Соломоны, / все знают и вокруг (Б. Ахмадулина).

Каждое фонологическое сближение неродственных слов выявляет важное наращение смысла и, следовательно, влечет нарушение линейности восприятия высказывания. В результате поэтической этимологии складывается некоторое сложное семантическое целое, включающее пересечение значений соположенных таким образом лексем. Приведем несколько примеров, подтверждающих данное положение.

1. *Чтоб высоко встать — надо кровь пролить. / Лей да лей, не жалея учености, / Весельчак ты мой, висельченок!* (М. Цветаева). Смысловое соединение двух лексем из разных (практически противоположных) смысловых полей оценки человека рождает новый смысл всего выражения: за веселость, радость и полноту жизни всегда предстоит тяжелая плата. Это понимает лирическая героиня, которая, любясь своим веселым возлюбленным, внутренним зрением видит висельницу.

2. *Вино, лишь ты ни в чем не виновато* (Б. Ахмадулина). Фонетическое подобие лексем, относящихся концептуально к совершенно разным семантическим полям «алкоголь» и «чувство вины», их когерентное взаимодействие друг с другом создает сложную структуру с глубинным, прямо не выявляемым содержанием: нередко многие ошибки в жизни человек делает под влиянием алкоголя, а, может быть, это только внутреннее оправдание собственной несостоятельности в каких-то вещах, может быть, вино как раз не виновато?

3. *Богова! Богемия! / Не лежи, как пласт! / Бог давал обеими — / И опять подаст* (М. Цветаева). Богемия — название чешского королевства до 1918 года. Латинское Bohemia, произошедшее от *Boiohaemum*, означает — страна бойев. Но поэт не интересуется исторически подлинная этимология этого топонима, он предлагает свою: Богемия как Богом данная земля. Смыслы, которые появляются в лексеме «Богемия» можно приблизительно передать так: Бог не может оставить «Богом данную землю», в самом названии Богемии уже есть защита от не-божеских дел, это не просто топоним — это название-заклинание, имя-оберег.

Рождение трансцендентных смыслов может происходить за счет своеобразной звуко-семантической прогрессии. Например, последние строки строф стихотво-

рения М. Цветаевой «Слова и Смыслы» следующие: *Даль длящие... Боль — длящая... Длеть — даль — и боль... Даль и боль, это та же юдоль*. Корни *дл-даль-боль-юдоль*, взаимодействуя друг с другом на семантическом и звуковом уровне, объединяют в рамках контекста ключевые слова, рождающие одну из формул жизни поэта: *длящуюся — даль — боль — юдоль*, т. е. формулу «неизлечимой болезни — жизни».

В некоторых случаях поэт самим контекстом объясняет новое значение, которое он вкладывает в слово, т. е. вектор направления поиска нового смысла задается самим автором. Так, у А. Вознесенского: *Есть в русском «люмпен» от слова «любят»*. У М. Цветаевой в лексеме *уединение* (**Уединение: уйди / В себя, как прадеды в феоды**) появляется сема ухода, в лексеме *ложе* (*На ложе из лож / Сложившим великую ложь лицемерья*) — сема лжи, в лексеме *станции* (**Крик станций: останься!**) проявляется сема просьбы и нежелания расставаться, в лексеме *домой* (*Заблудшего баловня / Вопль: **домой!** / Дитя годовалое: / «**Дай**» и «**мой**»!*) — семы действия (*дай*) и принадлежности (*мой*). Такие примеры особенно наглядно показывают, каким образом поэзия может менять поверхностно-понятийное сознание человека, приучает его мыслить не стандартными целостностями, а трансмерно-художественными образами.

Возникновение новых сем значения может происходить путем сближения в контексте действительно однокоренных слов. Это явление весьма типично для поэзии XX века. Особенно ярко и частотно оно отмечается в лирике М. Цветаевой: 1. *О несчастное городское счастье, Спите, спящие рты, / Летите, летящие листья!* 2. *Ох мой родной, мой природный, мой безродный брат!* 3. *Как хорошо мне под луною — / С нелюбящим и нелюбимым.* 4. *Встречный ветер не допрашивают, / Правды с соловья не спрашивают.* 5. *И как не умереть поэту, / Когда поэма удалась!* 6. *Я знаю все ходы и выходы / в тюремной крепости души.* 7. *Черная — вся в серебре — рука / Черным — на черном — туз.* 8. *Мужайся: я твой щит и мужество!* 9. *Друзья мои! Родное триединство! / Роднее чем в родстве!* 10. *Слепая, шальная толпа! / — Всех ослепила — ибо женищина, / Все вижу — ибо я слепа.* 11. *Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!*

Для поэтического языка важна способность языковой системы к рети-мологизации, например, к восстановлению в слове тех смыслов и семантических связей, которые им в языке имплицированы, стерты или совсем утрачены. Например: *Так — в памяти — глаза закрыв, / Без памяти — любуюсь Вами!* (М. Цветаева). В выражении “любить без памяти” — *без памяти* имеет значение *очень сильно*, но не включает собственно сему *память*. А в данном контексте актуализируется именно сема *память*. Аналогичное восстановление утраченной этимологии можно наблюдать, например, в словах *заочность* и *победоносец*, в которых в узуальном употреблении не вычленяются смыслы: *за оком* или *несущий победу*. А поэт “высвечивает” именно эти “стертые” значения: *Заочность: за оком лежащая явь..., Победоносец, / Победы не вынесший*. Как писал Ю. М. Лотман, «семиологическое пространство заполнено свободно передвига-

ющимися обломками различных структур, которые, однако, устойчиво хранят в себе память о целом и, попадая в чужие пространства, могут вдруг бурно реставрироваться» [9, с. 177].

Актуализация в поэтическом тексте истинной или мнимой этимологии слова эксплицируется нелинейностью поэтической системы, поскольку этимологическое и реальное значения слова не находятся в линейных отношениях: невозможно утверждать, какое из них проявляется и воспринимается первым, а какое — вторым. Например, у В. Высоцкого: *В чем угодно меня обвините, / Только против себя не пойдешь: / По профессии я — усилитель, / Я страдал, но усиливал ложь*; у Б. Ахмадулиной: *... что делать с этим неуместным лбом? / Где быть ему, как не на месте лобном?* у Л. Мартынова: *Кувшинкам трудно — до вершин, / Кувшинкам хочется в кувшин, / Хотя бы очень небольшой, / Но с человеческой душой.*

Актуализация внутренней формы может происходить за счет использования в близком контексте антонима: *Не странно ли, / Что дневники / Не днем ведутся, а ночами, / Когда мигают ночники / И ходят тени за плечами* (Л. Мартынов). Или: *Меж ежедневных Черных речек / Я светлую благодарю* (А. Вознесенский). В данных строках выявляются 2 языковых средства: 1 — антитеза *черный / светлый*, 2 — дискурсивный элемент *Черная речка*; В данном примере наблюдается трансмерный переход значений лексем из семантического поля «цвет» в семантическое поле «жизнь». Когерентное взаимодействие лексем *Черные речки — светлая* создает сложную семиотическую структуру с иными, глубинными смыслами. С помощью антонима *светлый* не только актуализируется внутренняя форма *черный* в топониме *Черная речка*, но и усиливается ассоциативно-оценочная сема «мрачный», а также «связанный со смертью», т. к. *Черная речка* — место дуэли А. Пушкина. Экспрессивность метафоры усиливает форма множественного числа — *Черные речки* как символ всего трудного и рокового в жизни.

Иногда семантическая производность слова проявляется «многоступенчато». Например: *Очи — в узь, / Щеки — в гляци. / — Ну и гусь! / — Ну и Ганс!* Ирония М. Цветаевой зиждется на глубинных языковых связях и ассоциациях, а именно — на паронимическом созвучии немецких слов: *gans* — «гусь» и *Hans* — собственное имя; на фразеологических связях русского слова «гусь»: *ну и гусь, что за гусь, хорош гусь*; на фразеологических и словообразовательных связях немецких слов: *handseln* — «подтрунивать, дразнить», *Hanswurst* — «шут, паяц, скоморох». Кроме того, немецкое слово *Ганс* является и знаковым аналогом русского имени Иван: и *Ганс*, и *Иван* — традиционные герои фольклора. В итоге «гусь» и «Ганс» оказываются семантически взаимосвязаны: каждая лексема раскрывает необходимый дополнительный смысл другой; актуализируется эта связь посредством контекста. Причем читающий данное стихотворение может не знать немецкого языка, в таком случае одна из ассоциативных цепочек для него утрачивается, но благодаря фонетическому созвучию данных слов и связанных с ними фразеологических ассоциаций основная семантическая связь между ними для реципиента остается в силе.

Таким образом, в результате соположения созвучных лексем их значения взаимонакладываются друг на друга, происходят определенные виды изменений системных значений слов, в результате чего рождается некоторое сложное семантическое целое и создаются новые смыслы в условиях семантического контекста.

Литература

1. Ломоносов М. В. Сочинения / М. В. Ломоносов. — М., Л.: Гос. издательство художественной литературы, 1961. — 591 с.
2. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. — М.: Высш. шк., 1990. — 342 с.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. — М., 1977. — С. 31 – 273.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
5. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1976. — 511 с.
6. Бахтин М. М. К эстетике слова / М. М. Бахтин // Контекст — 1973: лит.-теорет. исслед. / редкол.: А. С. Мясников [и др.]. — М., 1974. — С. 258 – 280.
7. Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. — М., 1963. — Т. 2. — 380 с.
8. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: очерк: хрестоматия / А. А. Реформатский. — М.: Наука, 1970. — 527 с.
9. Лотман Ю. М. Заметки о художественном пространстве / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. Таллинн, 1992 – 1993. — Т. 1. — 1992. — С. 448 – 463.

Муратова О. Ю. Смысловая роль фонетически созвучных лексем в поэтическом тексте.

В статті досліджується вплив звучання соположених однокорінних і неоднокорінних лексем на їх значення. Аналізуються механізми появи нових сенсів слова.

Ключові слова: значення слова, сенс слова, внутрішня форма, актуалізація, асоціація.

Muratova O. Y. The semantic role of phonetically consonant lexemes in poetic texts.

In the following article the influence of phonation of appositional paronymous and nonparonymous lexemes on their meaning is studied. Mechanisms of appearance of new word meanings are also analyzed.

Key words: the meaning of a word, the sense of a word, the intrinsic form, the actualization, the association.

Статья поступила в редакцию 4 октября 2010 г.